

ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Современный бестселлер: Финнива

КОЛЛЕКЦИОНЕР

ДЖОН ФАУЛЗ

THE COLLECTOR

JOHN FOWLES

МОСКВА
2015

УДК 811.111(075.4)

ББК 81.2Англ-93

Ф28

THE COLLECTOR

Copyright © 1963 by J.R. Fowles

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *И. Бессмертной*

Составление упражнений *А. Максаевой*

Оформление *В. Безкровного*

Фаулз, Джон.

Ф28 Коллекционер = The Collector: [парал. текст на англ. и рус. яз. : учебное пособие] / Джон Фаулз ; [пер. с англ. И. Бессмертной ; сост. упр. А. Максаевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 544 с. — (Современный бестселлер: Билингва).

ISBN 978-5-699-78627-5

Читателям предлагаются неадаптированный оригинальный текст и классический перевод романа «Коллекционер», который принес Джону Фаулзу всемирную славу.

Коллекционер выбрал себе добычу, и теперь это вовсе не бабочка... Хватит ли ему терпения и хитрости, чтобы реализовать свои планы? Сможет ли он спрятать под замок Жизнь и Красоту? Напряженная психологическая дуэль злодея и жертвы создает неповторимую атмосферу, которая пугает и завораживает одновременно.

Чтение романа в оригинале позволит значительно усовершенствовать знание английского, а перевод на русский язык поможет разрешить возникающие по ходу чтения вопросы и трудности. Для углубления знаний английского и облегчения понимания текста предлагаются упражнения и комментарии.

Книга будет интересна и полезна всем, кто знает и изучает английский язык с преподавателем или самостоятельно.

УДК 811.111(075.4)

ББК 81.2Англ-93

© 1963 John Fowles

© Бессмертная И.,

перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78627-5

Contents

Глава 1.....	5
Глава 2.....	223
Глава 3.....	483
Глава 4.....	513
Примечания.....	516
Activities.....	524

1

When she was home from her boarding-school I used to see her almost every day sometimes, because their house was right opposite the Town Hall Annexe. She and her younger sister used to go in and out a lot, often with young men, which of course I didn't like. When I had a free moment from the files and ledgers I stood by the window and used to look down over the road over the frosting and sometimes I'd see her. In the evening I marked it in my observations diary, at first with X, and then when I knew her name with M. I saw her several times outside too. I stood right behind her once in a queue at the public library down Crossfield Street. She didn't look once at me, but I watched the back of her head and her hair in a long pigtail. It was very pale, silky, like burnet cocoons. All in one pigtail coming down almost to her waist, sometimes in front, sometimes at the back. Sometimes she wore it up. Only once, before she came to be my guest here, did I have the privilege to see her with it loose, and it took my breath away it was so beautiful, like a mermaid.

Another time one Saturday off when I went up to the Natural History Museum I came back on the same train. She sat three seats down and sideways to me, and read a book, so I could watch her for thirty-five minutes. Seeing her always made me feel like I was catching a rarity, going up to it very careful, heart-in-mouth as they say. A Pale Clouded Yellow, for instance. I always thought of her like that, I mean words like elusive and sporadic, and very refined — not like the other ones, even the pretty ones. More for the real connoisseur.

Никто не знал об этом, кроме них.

Мария Французская.
«Шато Вержи»

Глава 1

Когда она приезжала из частной школы домой на каникулы, я мог видеть ее чуть не каждый день: дом их стоял через дорогу, прямо против того крыла Рагуши, где я работал. Она то и дело мчалась куда-то, одна или вместе с сестренкой, а то и с какими-нибудь молодыми людьми. Вот это мне было во все не по вкусу. Иногда выдавалась минутка, я отрывался от своих грессбухов и папок, подходил к окну и смотрел туда, на их дом, поверх матовых стекол, ну, бывало, и увижу ее. А вечером занесу это в дневник наблюдений. Сначала обозначал ее индексом «Х», а после, когда узнал, как ее звать, — «М». Несколько раз встречал на улице, а как-то стоял прямо за ней в очереди в библиотеке на Кроссфилд-стрит. Она и не обернулась ни разу, а я долго смотрел на ее затылок, на волосы, заплетенные в длинную косу, очень светлые, шелковистые, словно кокон тутового шелкопряда. И собраны в одну косу, длинную, до пояса. То она ее на грудь перекидывала, то снова на спину. А то вокруг головы укладывала. И пока она не стала гостьей здесь, в моем доме, мне только раз посчастливилось увидеть эти волосы свободно рассыпавшимися по плечам. У меня прямо горло перехватило, так это было красиво. Ну точно русалка.

А в другой раз, в субботу, я поехал в Музей естественной истории, в Лондон, и мы возвращались в одном вагоне. Она сидела на третьей от меня скамейке, ко мне боком, и читала, а я целых полчаса на нее смотрел. Смотреть на нее было для меня ну все равно как за бабочкой охотиться, как редкий экземпляр ловить. Крадешься остороженько, душа в пятки ушла, как говорится... Будто **перламутровку** ловишь. Я хочу сказать, я о ней думал всегда такими словами, как «неуловимая», «ускользающая», «редкостная»... В ней была какая-то утонченность, не то

The year she was still at school I didn't know who she was, only how her father was Doctor Grey and some talk I overheard once at a Bug Section meeting about how her mother drank. I heard her mother speak once in a shop, she had a la-di-da voice and you could see she was the type to drink, too much make-up, etcetera.

Well, then there was the bit in the local paper about the scholarship she'd won and how clever she was, and her name as beautiful as herself, Miranda. So I knew she was up in London studying art. It really made a difference, that newspaper article. It seemed like we became more intimate, although of course we still did not know each other in the ordinary way.

I can't say what it was, the very first time I saw her, I knew she was the only one. Of course I am not mad, I knew it was just a dream and it always would have been if it hadn't been for the money. I used to have daydreams about her, I used to think of stories where I met her, did things she admired, married her and all that. Nothing nasty, that was never until what I'll explain later.

She drew pictures and I looked after my collection (in my dreams). It was always she loving me and my collection, drawing and colouring them; working together in a beautiful modern house in a big room with one of those huge glass windows; meetings there of the Bug Section, where instead of saying almost nothing in case I made mistakes we were the popular host and hostess. She all pretty with her pale blonde hair and grey eyes and of course the other men all green round the gills.

The only times I didn't have nice dreams about her being when I saw her with a certain young man, a loud noisy publicschool type who had a sports car. I stood beside him once in Barclays waiting to pay in and I heard him say, I'll have it in fivers; the joke being it was only a cheque for ten pounds. They

что в других, даже очень хороших. Она была — для знатока. Для тех, кто понимает.

В тот год, когда она еще в школу уезжала, я не знал, кто она и что. Только фамилию отца — доктор Грей, да еще как-то слышал, говорили на встрече секции жесткокрылых, что вроде мать у нее попивает. И правда, раз встретил ее мамашу в магазине, слышал, как она с продавцом разговаривает — голосок жеманный, фу-ты ну-ты, тон барский и, видно сразу, из тех, кто не дурак выпить: штукатурка с лица чуть не валится, и всякое такое.

Ну а потом в нашей городской газете напечатали, что она получила стипендию в Лондонском художественном училище и какая она умная и способная. И я узнал ее имя, красивое, как она сама, — Миранда. И узнал, что изучает искусство. После этой статьи все сразу пошло по-другому. Вроде мы как-то сблизились, хотя, конечно, не знали друг друга в том смысле, как это обычно бывает.

Не могу объяснить, отчего да почему... только как я ее впервые увидел, сразу понял: она — единственная. Конечно, я не окончательно свихнулся, понимал, что это всего лишь мечта, сновидение, и так оно и осталось бы, если бы не эти деньги. Я прямо грезил среди бела дня, придумывал всякие истории, вроде я ее встречаю, совершаю подвиги, она восхищается, мы женимся, и всякое такое. Ничего дурного и в голове не держал. Потом только. Но это я еще объясню.

В грезах этих она рисовала картины, а я занимался своей коллекцией. Представлял себе, как она меня любит, как ей коллекция моя нравится, как она рисует и раскрашивает свои картины. Как мы с ней вместе работаем в красивом современном доме, в большущей комнате с таким огромным окном из цельного стекла, и вроде собрания секции жесткокрылых в этой комнате проходят. И я не молчу, как обычно, чтоб ненароком не сморозить чего, и мы с ней — хозяин и хозяйка, и все к нам с уважением. И она такая красивая — светлые волосы, серые глаза, — что от зависти все мужики зеленеют прямо на глазах.

Ну конечно, эти все приятные мечты таяли, когда я видел ее с одним парнем, самоуверенным, наглым, из тех, кто позаканчивал частные школы и теперь раскатывает в спортивных автомобилях. Я раз на тотализаторе встретил его, он стоял у соседнего окошечка. Я вносил, а он полу-

all behave like that. Well, I saw her climb in his car sometimes, or them out together in the town in it, and those days I was very short with the others in the office, and I didn't use to mark the X in my entomological observations diary (all this was before she went to London, she dropped him then). Those were days I let myself have the bad dreams. She cried or usually knelt. Once I let myself dream I hit her across the face as I saw it done once by a chap in a telly play. Perhaps that was when it all started.

My father was killed driving. I was two. That was in 1937. He was drunk, but Aunt Annie always said it was my mother that drove him to drink. They never told me what really happened, but she went off soon after and left me with Aunt Annie, she only wanted an easy time. My cousin Mabel once told me (when we were kids, in a quarrel) she was a woman of the streets who went off with a foreigner. I was stupid, I went straight and asked Aunt Annie and if there was any covering — up to do, of course she did it. I don't care now, if she is still alive, I don't want to meet her, I've got no interest. Aunt Annie's always said good riddance in so many words, and I agree.

So I was brought up by Aunt Annie and Uncle Dick with their daughter Mabel. Aunt Annie was my father's elder sister.

Uncle Dick died when I was fifteen. That was 1950. We went up to Tring Reservoir to fish, as usual I went off with my net and stuff. When I got hungry and came back to where I left him, there were a knot of people. I thought he'd caught a whopper. But he'd had a stroke. They got him home, but he never said another word or properly recognized any of us again.

чал. И говорит: дайте-ка мне полусотенными. А вся шутка в том и заключалась, что выигрыш у него был всего-то десять фунтов. Все они так. Ну, я видел иногда, как она в его машину садится, встречал их вместе или видел, как они в этой машине по городу катаются. Ну, тогда я очень бывал резок со всеми на работе и не вписывал «X» в дневник энтомологических наблюдений. (Это все до того, как она в Лондон уехала. Тогда уж она его бросила.) В такие дни я позволял себе дурные мысли. Тут уж она рыдала и валялась у меня в ногах. Один раз даже я представил себе, как бью ее по щекам: как-то видел в одной пьесе по телику, парень дал пощечину своей подружке. Может, тогда-то все и началось.

Мой отец погиб в автокатастрофе. Мне было два года. Случилось это в 1937-м. Он был пьян вдребезину. Но тетушка Энни утверждала, что запил он из-за матери. Я так и не узнал, что там было на самом деле, только вскоре после смерти отца мать уехала, оставила меня тетке, ей-то самой лишь бы жить полегче да повеселей. Мейбл, моя двоюродная сестрица, как-то раз сообщила мне в пылу ссоры (мы совсем еще были детишками), что мать моя — уличная и сбежала с иностранцем. У меня хватило глупости прямо отправиться к тетушке и задать ей этот вопрос. Ну конечно, если уж она когда хотела от меня что утаить, это ей прекрасно удавалось. Теперь-то мне безразлично, и если даже мать жива, у меня видеть ее нет охоты. Даже из любопытства. А тетушка Энни всегда повторяет, мол, еще легко отделались. Думаю, она права.

Ну вот, значит, я рос у тетушки Энни и дядюшки Дика, вместе с их дочкой Мейбл. Тетушка — старшая сестра моего отца.

Дядя Дик умер, когда мне было пятнадцать лет, в 1950-м. Мы отправились на водохранилище рыбу ловить и, как всегда, разделились: я взял сачок и еще что там было нужно и ушел. А когда проголодался, вернулся к тому месту, где его оставил, там уже собралась целая толпа. Я подумал: ого, дядюшка, похоже, какую-то громадину на крючок подцепил. А оказалось — с ним случился удар. Его отвезли домой, только он уже не мог говорить и никого больше не узнавал.

The days we spent together, not together exactly, because I always went off collecting and he'd sit by his rods, though we always had dinner together and the journey there and home, those days (after the ones I'm going to say about) are definitely the best I have ever had. Aunt Annie and Mabel used to despise my butterflies when I was a boy, but Uncle Dick would always stick up for me. He always admired a good bit of setting. He felt the same as I did about a new imago and would sit and watch the wings stretch and dry out and the gentle way they try them, and he also let me have room in his shed for my caterpillar jars. When I won a hobby prize for a case of Fritillaries he gave me a pound on condition I didn't tell Aunt Annie. Well, I won't go on, he was as good as a father to me. When I held that cheque in my hands, he was the person, besides Miranda of course, I thought of. I would have given him the best rods and tackle and anything else he wanted. But it was not to be.

I did the pools from the week I was twenty-one. Every week I did the same five-bob perm. Old Tom and Crutchley, who were in Rates with me, and some of the girls clubbed together and did a big one and they were always going at me to join in, but I stayed the lone wolf. I never liked old Tom or Crutchley. Old Tom is slimy, always going on about local government and buttering up to Mr Williams, the Borough Treasurer. Crutchley's got a dirty mind and he is a sadist, he never let an opportunity go of making fun of my interest, especially if there were girls around. 'Fred's looking tired — he's been having a dirty weekend with a Cabbage White,' he used to say, and, 'Who was that Painted Lady I saw you with last night?' Old Tom would snigger, and Jane, Crutchley's girl from Sanitation, she was always in our office, would giggle. She was all Miranda wasn't. I always hated vulgar women, especially girls. So I did my own entry, like I said.

Те дни, что мы провели с ним вместе — не так уж все время вместе, я ведь уходил бабочек ловить, а он сидел со своими удочками на берегу, но только ели мы всегда вместе и поездки к водохранилищу и домой тоже, — вот те дни с ним, пожалуй, самые счастливые в моей жизни (кроме, конечно, тех, о которых я потом расскажу). Тетушка и Мейбл насмеялись надо мной из-за бабочек, во всяком случае, когда я был мальчишкой. А дядюшка — он всегда за меня стоял. И всегда восхищался, как я их умею накалывать, говорил, прекрасная аранжировка и всякое такое. И еще со мной радовался, когда удавалось вывести новый экземпляр **имаго**. Всегда сидел и смотрел, как из кокона выбирается бабочка, расправляет и сушит крыльшки, как осторожно их пробует. Для банок с гусеницами он мне выделил местечко в своей кладовке, а когда на конкурсе «Мир твоих увлечений» я получил приз за коллекцию **фритилларий**, он мне подарил деньги, целую кучу — фунт стерлингов, только не велел тетке говорить. Да что там, он мне был как отец. Когда мне мои деньги вручали, чек этот, я его в пальцах зажал, а сам первым делом о дядюшке подумал, после Миранды, конечно. Я бы ему самые лучшие удочки купил... и снасть всякую... и все, чего бы он только ни захотел. Ну, это уж было невозможно.

На скачках я стал играть, как только мне стукнуло двадцать один. Каждую неделю ставил пять шиллингов.

Старина Том и Крачли из нашего отдела и еще несколько девчонок скидывались и играли по крупной и вечно приставали, чтоб я к ним присоединился. Только я всегда отказывался, мол, я сам по себе, волк-одиночка. Да мне ни Том, ни Крачли никогда не были особенно по душе. Старина Том какой-то противный, скользкий, вечно распространяется про наш Городской совет, а сам лижет главного бухгалтера во все места. А Крачли — грязный тип, садист, никогда не упустит случая высмеять меня за бабочек, особенно при девчонках: «Что-то Фред усталым выглядит после воскресенья, видно, провел бурную ночь с какой-нибудь бабочкой...» Или: «Что это за нимфа была с тобой вчера? **Может, нимфа Лида из Виргинии?**» И старина Том ухмыльнется, а Джейн, подружка Крачли (она из отдела канализации, но вечно торчит у нас, в налоговом), хихикнет. Вот уж кто на Миранду не похож. Ну небо и

The cheque was for £73,091 and some odd shillings and pence. I rang up Mr Williams as soon as the pools people confirmed the Tuesday that all was well. I could tell he was angry that I left like that, although he said at first he was pleased, he was sure they were all pleased, which of course I know they weren't. He even suggested I invested in the Council 5% Loan! Some of them at Town Hall lose all sense of proportion.

I did what the pools people suggested, moved straight up to London with Aunt Annie and Mabel till the fuss died down. I sent old Tom a cheque for £500 and asked him to share with Crutchley and the others. I didn't answer their thank-you letters. You could see they thought I was mean.

The only fly in the ointment was Miranda. She was at home at the time of winning, on holidays from her art school, and I saw her only the Saturday morning of the great day. All the time we were up in London spending and spending I was thinking I wasn't going to see her any more; then that I was rich, a good spec as a husband now; then again I knew it was ridiculous, people only married for love, especially girls like Miranda. There were even times I thought I would forget her. But forgetting's not something you do, it happens to you. Only it didn't happen to me.

If you are on the grab and immoral like most nowadays, I suppose you can have a good time with a lot of money when it comes to you. But I may say I have never been like that, I was never once punished at school. Aunt Annie is a Nonconformist, she never forced me to go to chapel or such like, but I was brought up in the atmosphere, though Uncle Dick used to go to the pub on the q.t. sometimes. Aunt Annie let me smoke cigarettes after a lot of rows when I came out of the army, but she never liked it. Even with all that money, she had to keep on saying spending it was against her principles. But Mabel went at her behind the scenes, I heard her doing it one day, and anyway I said it was my money and my conscience, she was

земля. Терпеть не могу вульгарных женщин, особенно молоденьких. Так что, повторяю, играл я всегда один.

Чек был на 73 091 фунт и еще сколько-то шиллингов и пенсов. Я позвонил мистеру Уильямсу, как только эти люди с тотализатора подтвердили, что все в порядке. Ну и обозлился же он, что я так вот сразу увольняюсь, хоть и сказал, что очень даже за меня рад и что — он, мол, уверен — все за меня рады. Я-то знал, что это все вранье. Он даже предложил мне вложить эти деньги в пятипроцентные облигации Городского совета. О господи. У нас в Ратуше некоторые совсем утратили чувство меры.

А мне, когда чек вручали, посоветовали уехать в Лондон вместе с тетушкой и Мейбл, пока вся эта шумиха не утихнет. Ну, я так и сделал. Старине Тому я отправил чек на 500 фунтов и написал, чтоб он поделился с Крачли и всеми другими. На их письма с благодарностями я и отвечать не стал, ясно было, они сочли, что я скупердяй.

Ну, ложка дегтя в эту бочку меда все же попала. Из-за Миранды. Когда я выиграл все эти деньги, она как раз приехала домой на каникулы. Я ее увидел в субботу утром, в тот самый мой счастливый день. И уехал. И все время в Лондоне, пока мы только и знали, что тратили мои денежки, я боялся, что больше никогда ее не увижу. Думал, вот ведь теперь, разбогатеv, я вполне гожусь ей в мужья; потом думал, это же смех — надеяться, теперь выходят замуж по любви, особенно такие, как Миранда. Были минуты, я верил, что забуду о ней. Но забыть — это ведь от тебя не зависит, это выходит само собой. Только у меня не вышло.

Если ты человек корыстный и беспринципный, а у нас теперь таких пруд пруди, я думаю, на свои-то кровные, если ты уж их заполучил, здорово можно время провести. Но по чести могу сказать, я не из таких, меня даже в школе никогда не наказывали. Тетушка Энни — она из секты **нонконформистов** — никогда меня силком в церковь не тащила, ничего такого не заставляла делать, но атмосфера в доме, где я воспитывался, была соответствующая, хотя дядюшка Дик иногда малость перебирал в пивнушке. А тетка даже курить мне разрешила, когда я из армии пришел, правда, со скандалами, я их чуть не каждый день ей закатывал. Что там говорить, я со своим курением у нее в

welcome to all she wanted and none if she didn't, and there was nothing about accepting gifts in Nonconformism.

What this is all leading to is I got a bit drunk once or twice when I was in the Pay Corps, especially in Germany, but I never had anything to do with women. I never thought about women much before Miranda. I know I don't have what it is girls look for; I know chaps like Crutchley who just seem plain coarse to me get on well with them. Some of the girls in the Annexe, it was really disgusting, the looks they'd give him. It's some crude animal thing I was born without. (And I'm glad I was, if more people were like me, in my opinion, the world would be better.)

When you don't have money, you always think things will be very different after. I didn't want more than my due, nothing excessive, but we could see straight away at the hotel that of course they were respectful on the surface, but that was all, they really despised us for having all that money and not knowing what to do with it. They still treated me behind the scenes for what I was — a clerk. It was no good throwing money around. As soon as we spoke or did something we gave the game away. You could see them saying, don't kid us, we know what you are, why don't you go back where you came from.

I remember a night we went out and had supper at a posh restaurant. It was on a list the pools people gave us. It was good food, we ate it but I didn't hardly taste it because of the way people looked at us and the way the slimy foreign waiters and everybody treated us, and how everything in the room seemed to look down at us because we weren't brought up their way. I read the other day an article about class going — I could tell them things about that. If you ask me, London's all arranged for the people who can act like public schoolboys, and you don't get anywhere if you don't have the manner born and the right la-

печенках сидел. И подумать только, она ведь знала, сколько я получил, а все равно не переставала твердить, мол, не в ее правилах швыряться деньгами. Ох и влетело же ей за это от Мейбл: сестрица полагала, что я не слышу; ну да все равно, я сказал, деньги мои, совесть тоже моя и вся ответственность на мне, пусть только скажет, чего ей хочется, а не хочет — так на нет и суда нет, а в уставе нонконформистов ничего не сказано про подарки.

К чему я все это рассказываю, дело в том, что, когда я в армии служил, в финчасти корпуса, мы в Западной Германии стояли, я пару раз напился, но с женщинами дела никакого не имел. Да и не больно-то о них думал до Миранды. Я ведь знаю: нет во мне того, что нужно девчонкам; парни вроде Крачли мне кажутся грубыми до невозможности, а девчонки к таким липнут как мухи. Посмотреть на некоторых у нас в Ратуше, как они этому Крачли глазки строят, так и рвотных таблеток глотать не надо. А во мне этого грубого, скотского, что их так влечет, нет. И не было от рождения. (И прекрасно, если бы на свете побольше было таких, как я, уверен, мир стал бы лучше.)

Если денег нет, всегда кажется, что с деньгами все пойдет совсем по-другому. Я никогда не требовал ничего лишнего, только то, что мне причиталось, но в гостинице сразу же ясно стало, что вся их почтительность — вид один, на самом-то деле все они нас презирают, денег у нас куча, а что с ними делать, толком не знаем. Мол, из грязи — да в князи. И за спиной они так обо мне и судили, мол, мелкая сошка — она мелкая сошка и есть, как ни швыряйся деньгами. Стоило нам сказать или сделать что-нибудь, как все вылезало наружу. Сразу видно было, что у них на уме: нас не проведешь, мы тебя насквозь видим, отправляйся-ка подобру-поздорову откуда пришел.

Помню, как-то вечером мы отправились в шикарный ресторан поужинать. Ресторан значился в том списке, что мне дали эти люди с тотализатора. Готовили там отлично, и мы все съели, только я вкуса почти и не чувствовал, так на нас там смотрели — и посетители, и противные скользкие официанты-иностранцы; и мне казалось, что сам зал, все предметы в нем смотрят на нас сверху вниз, потому что мы не так воспитаны и выросли не там, где надо. Тут как-то мне попала статья о школьном обучении, о разных там классах. Меня бы спросили, я бы им порассказал.